

**Ф. НАНСЕН О СТРАНЕ БУДУЩЕГО.
К 100-ЛЕТИЮ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ЕНИСЕЮ**

Ерохин А.А.

научный руководитель канд. филос. наук Фирер Н.Д.

Лесосибирский педагогический институт

Мысли Нансена о судьбах Сибири, его позиция в отношении Сибири не утратили актуальности до сих пор. Нансен был убежден в великом будущем Сибири, понимая, что развитие ее тормозится «главным образом громадностью расстояний».

Книгу-дневник Ф. Нансена «В страну будущего» интересно читать и сегодня. Нансен с уважением отзывается о русских, признает их достоинства. Он признается в любви к Сибири: «Я полюбил эту огромную страну, раскинувшуюся вширь и вдаль, как море, от Урала до Тихого океана, с ее обширными равнинами и горами, с замерзшими берегами Ледовитого океана, пустынным привольем тундры и таинственными дебрями тайги, волнистыми степями, синеющими лесистыми горами и вкрапленными в эти безграничные пространства кучками людей».

Дневник полярного исследователя начинается с описания 2 августа 1913 года. По словам Нансена, экспедиция «была предпринята с целью попытаться завязать постоянные торговые сношения с Центральной Сибирью морским путем через Карское море и устье Енисея».

Одну из глав своей книги «В страну будущего» Нансен посвятил теме заселения и развития Сибири, значения этого всего для будущего России. «...Сибирь представляет в сущности естественное продолжение России, и ее надо рассматривать не как колонию, а как часть той же родины, которая может дать в своих необозримых степях приют многим миллионам славян».

Развитие неограниченных возможностей Сибири, по мнению норвежского исследователя, вполне возможно. Однако железнодорожный путь, по которому Нансену довелось проехать, настолько длинен, что дороговизна провоза препятствует прибыльному вывозу главнейших местных продуктов: хлеба, леса и т.д.; стоимость провоза от места до рынка сбыта этих товаров почти равна стоимости самих товаров. "...несмотря на железную дорогу, здешние промышленники чувствуют себя словно взаперти со своими продуктами, и надежда на сбыт их морским путем открывает им блестящие перспективы. Огромные сибирские реки прямо как бы созданы для целей такого сообщения; транспорт вниз по течению необычайно удобен, и все эти реки указывают на север, на Ледовитый океан, как на выход из создавшегося положения".

В сухопутной части поездки по Сибири Нансена сопровождал Е.Д. Вурцель, в то время управляющий казенными сибирскими железными дорогами, который инспектировал строительство второй колеи Транссиба и также говорил о необходимости повышения пропускной способности дороги. Наличие водных путей, по мнению Нансена, могло бы обеспечить сравнительно дешевый провоз грузов до устья Енисея. Если бы удалось установить регулярное сообщение от устья Енисея в Европу и тем обеспечить более дешевый вывоз сибирских товаров, это дало бы толчок дальнейшему торгово-промышленному развитию всей Центральной Сибири. Северный морской путь - мечта многих полярных путешественников, посвятивших свои жизни его открытию, с началом строительства Транссибирской магистрали, отчасти утратил свое значение. Своим путешествием к устью Енисея Нансен доказал, что при наличии Транссиба Северный морской путь и реки создали бы систему транспорта, столь необходимую для обширной территории Сибири. Впоследствии так и случилось:

Северный морской путь и Транссибирская магистраль стали осуществлять широтные магистральные связи, а речные пути, доставляя по назначению привезенные грузы, обеспечивали меридиональные связи с отдаленными районами. В качестве приложения к книге "В страну будущего" Нансен опубликовал весьма ценный очерк под названием "Судоходство по Карскому морю", в котором систематизировал данные о ледовом режиме в западной части Карского моря с 17 века до 1914 года.

В путешествии норвежского исследователя привлекала возможность познакомиться с народами, населявшими Сибирь. «Первобытные народы всегда сильно интересовали меня и тем сильнее, чем были первобытнее, а в этой удивительной стране таких народов очень много, и они вдобавок, как это ни странно, сравнительно мало изучены», - пишет он. На своем пути Нансен увидел немало племен: остяков, самоедов, самоедов-остяков, тунгусов, якутов и др. Его занимал вопрос о том, каким образом эти народы расселились на Севере Сибири.

В те времена господствовала теория о переселении большинства из них с Алтая. Оттуда, по мнению некоторых ученых, им пришлось переселиться на север, спасаясь от новых завоевателей Алтая. Миддендорф полагал, что самоеды бежали в таком паническом страхе, что не решились остановиться ни в Барабинской степи, ни в дремучих лесах между Енисеем и Обью, и только оставив позади себя широкий пояс лесов и снова добравшись до степных пространств, оселив тундре среди финских племен, - главным образом остяков, на западе и тунгусов на юго-востоке.

Нансен весьма скептически относился к теориям о внезапных переселениях народов. Он писал о том, что теории о далеком переселении целых племен в Азии в значительной степени обязаны своим возникновением влиянию аналогичных теорий о переселениях народов Европы. "Так лестно перемещать с востока на запад, с юга на север целые племена, словно фигуры на шахматной доске!". По мнению Нансена, упомянутые теории теряют всякий смысл, когда дело идет о переселении с юга на север, в дикую тундру, где пришельцам предстояло создать себе новую культуру для обеспечения своего существования. Причем, Ф. Нансен настаивает на том, что обычное деление народов на племена: угро-финское, самоедское, тюрко-татарское, монгольское, тунгусское, основывается на различии языков и имеет мало общего с действительными расовыми отличиями и происхождением этих народов. Ведь "народ, попавший в зависимое положение по отношению к другому или просто вступивший в тесное общение с последним, легко перенимает его язык и культуру, хотя бы и не имел с ним ничего общего по своему происхождению".

Это был благодатный материал для лингвиста и антрополога. Каждое племя, встретившееся норвежскому путешественнику, вызывало пристальный интерес. Его наблюдения, повествующие о быте и нравах коренных народностей Енисейского Севера, удивительно точны и непосредственны. По его мнению, эти народы страдают и вырождаются от соприкосновения с европейской цивилизацией, которая «не может дать им чего-либо ценного,...». Между тем, Нансен отмечает, что «самоеды довольно развитой народ, и в умственном отношении стоят не ниже обыкновенного крестьянина».

Нансен с восхищением отзывается о честности самоедов, ссылаясь на рассказ Миддендорфа о его путешествии по Таймырской тундре. Самоеды, несмотря на свое звериное пристрастие к водке, никогда не трогали его запасов спиртного. В этом Нансен видит коренное отличие инородцев от европейцев: "Представителям нашей расы вообще легче было бы удержаться от пьянства, зато трудно показалось бы не тронуть оставленной без присмотра водки"

Норвежский путешественник с интересом изучал не только антропологические типы инородцев, он обращал внимание и на разнообразие типов русского населения. Многие поражали его своим сходством со скандинавами.

В Туруханском крае девяносто политических ссыльных и всего десять казаков. Нансен пишет: "насколько я мог заключить, все они, как и сами казаки, народ мирный и безобидный. Лишь некоторые из бывших ссыльно-каторжных имели зловещие физиономии... Все здесь, видимо, довольны политическими ссыльными, часто весьма хорошими и дельными людьми". По его мнению, "влияние высылаемого в Сибирь преступного элемента на местное население сильно преувеличивается".

Нансен обратил внимание на то, что большинство ссыльных были все-таки политическими преступниками, т.е. людьми, пострадавшими за свои убеждения и "часто лучшими элементами русского народа, полнее желательными в качестве продолжателей рода. Поэтому местное население, хоть и является несколько смешанным, зато весьма даровитым". В том, что способности сибиряков пока не получили должного приложения для развития края, виноваты, на взгляд Нансена, чисто внешние обстоятельства.

Сибиряки поразили Нансена и его попутчиков своим радушием. "Как это ни странно, в Сибири люди одинаково приветливы и ночью и днем. Когда бы их ни разбудили, они одинаково радушно встречали нас и приглашали войти, и лошадей можно было получить, во всякое время дня и ночи". Он вспоминал, как трудно в Норвегии достать лошадей ночью, как часто встречал кислые мины, когда спешил куда-нибудь, а ведь в Норвегии ночная езда не так опасна, как в Сибири, "где бродит столько ненадежного люда". И еще одно наблюдение: "Здесь не торопят; в Сибири времени у всех и всегда вдоволь, как и всего прочего, здешние жители могут считать себя счастливыми, что не знают нервной спешки, которой страдает вся Европа".

Пейзажи Сибири вызывали неподдельное восхищение путешественников. Они задавались вопросом, почему "эти необозримы пространства с их реками и туземцами никогда так не пленяли детской фантазии, как девственные леса Америки с ее краснокожими... Не потому ли, что леса Сибири еще не нашли своего Купера?".

Но если проводить аналогии с Америкой, стало быть, индустриальное развитие Сибири может привести к исчезновению дремучих лесов и нетронутой природы, а коренное население утратит свои самобытные черты. Нансен предсказывал: "Лет через сто, даже через пятьдесят, лесов, наверное, уже не будет, как не будет и шалашей бродячих охотников за пушным зверем. Вся местность превратится в тривиальную плоскость с возделанными полями, такую же скучную, как северно-немецкая равнина, но зато способную прокормить миллионы жителей".

Сибирь предстала перед Нансеном перспективной частью Земли, развитие которой принесет пользу не только России, но и всему миру. Для России освоение сибирских богатств имело бы стратегическое значение, поскольку могло бы укрепить ее положение на Дальнем Востоке. Огромные земельные пространства позволили с успехом развивать сельское хозяйство. Сибирь - интереснейшее место для исследователя - лингвиста, антрополога, геолога, геофизика, этнографа. Это уникальная неповторимая страна. «Здесь лежат бесконечные пространства, таящие блестящие возможности, и только ждут приложения творческих сил человека». «Но настанет время - она проснется, проявятся скрытые силы, и мы услышим новое слово и от Сибири; у нее есть свое будущее, в этом не может быть никакого сомнения».